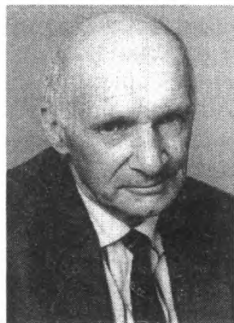

ЛИЧНОСТНЫЕ ДИАЛОГИ В НАУКЕ

А. К. МАТВЕЕВ – Н. Д. ГОЛЕВ

В октябре 2001 года в УрГУ прошло чествование профессора кафедры общего языкознания, члена-корреспондента РАН А. К. Матвеева. Вашему вниманию предлагается доклад, прочитанный юбиляром на расширенном заседании ученого совета филологического факультета, посвященном 75-летию автора.

В диалоге с юбиляром участвует известный ученый Н. Д. Голев, которого связывают с А. К. Матвеевым многолетние добрые отношения и научное сотрудничество.

А. К. Матвеев

АПОЛОГИЯ ИМЕНИ

Мир ономастики – прежде всего имен людей и мест (антропонимов и топонимов) – настолько велик, значим для общества и (не боюсь пафоса) прекрасен, что любой, кто к нему прикоснется, будь то ученый – филолог, историк, географ, краевед или просто любитель, уже не может пройти мимо. Вступая в этот мир, исследователи пытаются его осмыслить: об именах написано множество работ. Диапазон их проблематики обширен: ономастов интересовала сущность собственного имени, его языковой статус, возникновение имен, их жизнь в обществе, история, судьба и, наконец, окутанная флером мистики загадка тысячелетней давности – связь имени и человека.

Имена поражают не только своим множеством и разнообразием. Они могут быть общепонятны как река *Черная* или озеро *Круглое* и загадочны подобно реке *Исеть* или озеру *Шувакиш*, но, будучи семантически полярными, с одинаковым успехом обслуживают общество. Вместе с тем в имени можно видеть и просто этикетку и некий фетиш, определяющий жизненные пути, при этом чисто прагматический подход и фетишизация имени могут спокойно сосуществовать. Однако, объединяя собственные имена в один необозримый класс языковых единиц, следует учитывать су-

ущественную разницу между отдельными разрядами имен, обуславливающую многие их особенности. В частности, антропонимия и топонимия противостоят друг другу, например, по таким признакам, как обозначение объекта живого и способного к передвижению объекту неживому и неподвижному. Между тем параметры объектов во многом определяют народное видение и номинативный процесс, а соответственно способствуют и адекватному выбору путей этимологического анализа.

Имя многолико, у него много тайн, но поскольку имя – языковой знак, оно в первую очередь привлекает лингвистов. Отсюда и «болезнь ономастов» – рано или поздно обращаться к теории имени собственного, чаще всего к вопросу о его лингвистическом статусе. Это естественно, т. к. понимание специфики собственных имен создает надежный фундамент для их объяснения. Наша статья – тоже порождение «зова имени». Интересы автора связаны прежде всего с областью историко-этимологической ономастики, но он глубоко уверен в том, что успешная этимологизация собственных имен во многом зависит от понимания их места в языке.

Обычно эта проблема рассматривается в ракурсе наличия – отсутствия лексического значения у собственных имен или его «специфичности», что в конечном счете единодушно сводится к признанию способности выделять отдельные объекты из ряда подобных. Сложность, однако, в том, что в обширной галерее собственных имен есть и такие, которые сочетают ономастическое значение с собственно лексическим (гора *Высокая*) или реализуются в многоликих имяобразующих структурах.

Сферу собственных имен часто относят к периферии языка. Действительно, можно представить такую речевую ситуацию, когда люди разговаривают несколько часов подряд или даже целый день, не употребляя ни одного имени. Значит, имена появляются в речи только тогда, когда они необходимы, востребованы. Но и все в языке – все слова и формы – хранятся в нашей памяти до востребования. Следовательно, специфика собственных имен не в этом.

Иногда собственные имена уподобляют заимствованиям, но и это неверно в принципе, во-первых, среди заимствований множество полностью освоенных слов, а во-вторых, явно смешивается происхождение собственных имен с их функционированием.

Очень часто ученые пытаются отождествить имя и слово или соотнести их каким-либо образом. Но имя даже материально не всегда совпадает со словом. А главное – у имени иная природа и семантика. Значение, доставшееся имени в наследие от нарицательного (гора *Шайтан* < *шайтан*), часто очень существенное для местного населения, тем не менее является только сопутствующим (коннотативным) компонентом, который может вообще отсутствовать (гора *Шунут*).

Сказанное относится и к структурной характеристике имен, которые очень часто могут быть не словами, а словосочетаниями (*Белый Камень*, *Нижний Новгород*), причем в различных неиндоевропейских языках в именах широко представлены глагольные конструкции с причастиями и даже с личными формами. В нашем языке это редчайшие случаи, аномалии, поскольку русский язык, как и другие индоевропейские синтетические и флективные языки, исторически тяготеет к семантической и грамматической конденсации. Поэтому труднодоступную вершину русские называют не «Гора, где можно сломить голову», а *Сломиголова*. Но ученый, ре-

шая теоретические вопросы, не может смотреть на структуру имени только через русские, славянские или – шире – индоевропейские очки. Он обязан учитывать данные разных языков.

Нецелесообразно предлагать новые термины, тем более что стаж тех, которыми мы пользуемся, уже превышает два тысячелетия, но вполне очевидно, что термин *имя собственное* (*nomen proprium*), восходящий к античной традиции и противопоставляемый *имени нарицательному* (*nomen appellativum*), затрудняет определение места собственных имен в языке, поскольку ограничивает их мир пределами слова и, более того, существительных, что легко объяснить: для античных ученых языковая действительность замыкалась в рамках греческого и латинского – классических индоевропейских языков. Фактически же она несравнимо богаче: в мансийской топонимии Северного Урала на каждом шагу можно встретить названия типа *Сам-хум-хайтум-лох* – «Лог семи бежавших мужчин», *Нялпахвтын-керас* – «Скала, в которую пускают стрелы», *Пут-урнэ-сяхл* – «Гора, где караулят котел», *Соруп-аньт-тусьтым-керас* – «Скала, где поставили лосиные рога»; в лакской топонимии Дагестана находим не менее выразительные и сложные наименования мест *Шялмахъру-бусай-ххулла* – «Дорога, на которой рассказывают небылицы», *Къурхъ-рутай-щаращи* – «Родник, который вызывает заворот кишок»¹, а также название лакского аула *Ккул-базарлувун-най-бур* – «Кулинцы идут на базар»²; в языках аборигенов Австралии встречаются глагольные топонимы как в личной, так и в неопределенной форме, ср.: *Jingubullaworrige* – «Я пойду туда», *Ningoola* – «Не могу выйти», *Woollongong* – «Там, где прошло чудовище» и *Genanagya* – «Идти вперед», *Urandangie* – «Встретиться и сесть», *Berowaltha* – «Спускаться»³. Подобные же конструкции засвидетельствованы и в антропонимии, ср. личные имена у аборигенов Океании: *Лава-инаки* – «Прилететь и коснуться»⁴ или *Тере-хе* – «Уплывающая в даль из-за своего греха»⁵.

Отсюда следует, что именник использует разные средства языка. Имена, будучи знаком выделения предмета из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением. И потому они выходят за рамки лексики. Попытки определить статус имени, опираясь на антинимию *имя – слово*, как правило, не дают результата, поскольку слово – только одна ипостась имени.

Таким образом, в именах слова, словосочетания, предложения могут рассматриваться как звуковой материал, смысловое неонамастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования. Поэтому при необходимости можно «творить» собственные имена из любого языкового материала, как это происходит в наши дни в эргонимии – названиях фирм, магазинов и т. п. – под влиянием внешних факторов. «В принципе СИ (собственные имена. – А. М.) не нуждаются в переводе на данный язык»⁶, что еще раз указывает на их особое положение в языке.

Трудности, возникающие при обсуждении онтологии собственных имен и их места в языке, во многом обусловлены смешением синхронии и диахронии, а также функционального плана и этиологии. Объективные диалектические противоречия порождаются и самым сложным характером имен, в идеале предназначенных называть, а не обозначать (ср. известную

формулу *nominatur singularia, sed universalia significatur* – «единичное называется, а общее означает»), но во множестве случаев факультативно способных на то и другое.

В этой диалектике многое проясняет происхождение имен, которые возникли в естественном звуковом языке и которые, таким образом, вторичны. Человек сперва должен был научиться обобщать и создавать слова для обозначения общих понятий, а уже потом освоить технику различения однородных явлений, предметов одного класса и научиться давать именованию индивидуальностям. Оппозиция *человек – противостоящий мир* с течением времени дополняется противоположением *человек – другие люди*. Оказалось, что все *мы* – разные, а *я* – отличен от всех. Инстинктивный животный эгоизм постепенно эволюционирует в разумный эгоизм *homo sapiens*. Но, осмысляя этот процесс, нельзя упускать и роль имени в становлении человека.

Можно сколько угодно спорить о том, что сделало человека человеком: мясная пища, прямохождение, освобождение руки от транспортных функций, изготовление и использование орудий, поддержание огня, становление разума и возникновение человеческой речи и т. д. Фактически все это – этапы эволюции, которая связывает человека с животным миром и вместе с тем отделяет от него. Важнейшим рубежом было и появление имени. На каком-то этапе эволюции человек осознал факт своего выделения из примитивного стада, и появилось имя, в котором находит ярчайшее выражение человеческая «самость», закрепляется формирование человеческой личности, развитие личного самосознания. Именно в этом смысле можно говорить, что имя создает человека. Собственные имена – писал В. Н. Топоров – являются «неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие от животных коллективов»⁷.

Общеизвестна роль имен в человеческом обществе. Ясно, что изъять именован из общения столь же невозможно, как и лишить человечество языка. Но роль имени в прошлом была еще значительнее. В древности человек тщательно оберегал имя, считая его своей неотъемлемой частью. Он старался держать имя в тайне, чтобы отгонять злых духов, а узнав имена врагов, уничтожить их при помощи магии. Имя и миф, магия имен, их фетишизация – все это известные лингвоэтнокультурные мотивы. Современный человек лишен предрассудков, легко меняя фамилию и имя. Изменения в обществе ведут к калейдоскопу переименований городов и селений. Имя беззащитно. И в этом снова проявляется обособленность имени в языке, основной лексический фонд которого человеку неподвластен или почти неподвластен. Можно изменить имя, исказить его или вообще упразднить. Но вот парадокс – магия имен продолжает жить. Более того, во времена культурной деградации она получает широкое распространение в паранаучной форме. В красиво изданных книгах с названиями вроде «Тайна имени», а также многочисленных журнальных и газетных статьях не только содержатся традиционные объяснения имен, но и утверждается, что имя определяет судьбу человека. В этом особенно преуспел психолог Б. Ю. Хигир, который по имени, отчеству и дате рождения характеризует человека и прогнозирует его будущее. Эта лингвистическая астрология может показаться безобидной игрой. Но манипуляции с именами подаются в научной упаковке, подобно «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Поэтому на них стоит остановиться поподробнее.

1. Одно и то же имя в разных языках звучит по-разному: русское *Иван* – английское *Джон*, русское *Александр* – венгерское *Шандор*, русское *Андрей* – мансийское *Унтари*. Возникает вопрос, сохраняются ли волшебные свойства имени в случаях столь радикального несоответствия звуков или только русские имена, в силу каких-то удивительных обстоятельств, обладают такой способностью? А как быть с тем непреложным фактом, что имя живет во множестве вариантов: *Алексей* становится *Лёхой*, *Андрей* – *Дюшей*, *Анна* – *Нюрой*, *Александр* – то *Сашей*, то *Шурой*. В жизни эти варианты, в которых нет ничего общего с каноническими именами, нередко встречаются намного чаще, а в детском возрасте, когда, казалось бы, прежде всего должно сказываться роковое влияние имени, они преобладают абсолютно. Десятки и даже сотни вариантов личных имен фигурируют на страницах словарей⁸. И какой же из них будет определять жизненный путь?

2. Наш именник, толкованием которого занимаются ономастические кудесники, в основном заимствован. Он – древнееврейско-греко-латинского происхождения. Если же обратиться к другим народам и языкам с совершенно прозрачными по семантике именами типа бесчисленных арабских *Абдували* – «Раб Святого», *Абдулгафур* – «Раб Прощающего», *Абдулкарим* – «Раб Щедрого», *Абдулхамид* – «Раб Славного» и т. п., то исчезает сама база для гадания, которая появляется, когда внутренняя форма скрыта для неспециалиста, хотя в большинстве случаев известна ученым, т. е. в именах типа *Иван*, *Александр*, *Андрей*. В таких случаях можно легко спекулировать на благозвучных и неблагозвучных сочетаниях и случайных совпадениях.

3. Наконец, если бы подобные закономерности действительно существовали, то ученый мир безо всякой генетики давно додумался бы до клонирования людей со специфическими чертами характера и судьбой при помощи имен. Да и эмпирические наблюдения привели бы даже малообразованных людей к выводу, что есть не только благозвучные и неблагозвучные, но и «хорошие» и «нехорошие» имена.

Вопрос о паранауке в ономастике сейчас весьма актуален, ведь то, что можно простить наивному дикарю или суеверному средневековому крестьянину, которые давали своему потомству разного рода профилактические имена, в наше время следует квалифицировать только как шарлатанство или глубочайшее заблуждение.

Имена влияют на судьбу людей и мест, но *опосредованно*. Люди могут смеяться и даже издеваться над именем, фамилией, прозвищем или названием деревни, а это может так или иначе ущемлять психику человека или группы людей с развитием в дальнейшем аномальных чувств, реакций, действий и соответствующими последствиями. В таких русских именах, как *Фекла*, *Акакий*, *Пульхерия*, только специалист может сейчас увидеть значения «Божья слава», «Не причиняющий зла», «Прекрасная», а у незнающих – их огромное большинство – неблагозвучные звуковые комплексы могут вызывать неэстетичные ассоциации. В результате эти старые имена фактически выпали из русского именника. Оказывается, материальной базой для воздействия имени на человека являются прежде всего фонетические и смысловые ассоциации. Именно поэтому создатели искусственных имен сознательно или бессознательно, как правило, не жалеют сонорных звуков для имен положительных персонажей и смычных, шипящих, а также труднопроизносимых групп согласных – для отрицательных.

Потому благозвучны имена, связанные с провиденциальным началом в «Розе Мира» Даниила Андреева (*Нэртис, Олирна, Ирольн*) и какофоничны, трудны для произношения наименования демонических персон (*Гаг-тунгр, Гашишарва, Друккарз*).

Еще пример: в алфавитных списках фамилий преподавателям и командирам бросаются в глаза первые по списку. Их чаще спрашивают, отмечают, награждают и т. п. Последним по списку уделяется меньше внимания. Они чувствуют себя ущемленными, у них развивается комплекс неполноценности. Поэтому первые успешнее в жизни. Объяснение это, конечно, спорно, но и оно указывает на опосредованность влияния имени на человека.

Еще сложнее путь воздействия имен на географические объекты. Название, несущее отрицательную историческую информацию (урочище *Убиенное*, где некогда кого-то убили; поле *Гнилое*, где сгноили урожай и т. п.) может способствовать развитию отрицательного отношения к объекту: его перестают посещать и обрабатывать. Постепенно он утрачивает свои полезные качества. Разумеется, и это случаи опосредованного воздействия имени.

Реально существующие поразительные свойства имени состоят прежде всего в его способности обслуживать общество даже при очень высокой повторяемости компонентов (в России тысячи тысяч *Иванов* и *Ивановых* и тысячи *Ивановок*). Естественно сложившиеся ономастические системы всегда нормально функционируют, если не вмешивается волюнтаристский фактор и не происходит смешение систем и создание неудачных наименований. Эта способность имен связана с тем, что ономастические системы основаны на принципе сосуществования множества частных подсистем. Поэтому одинаковые названия могут обслуживать разные коллективы. Такое устройство ономастических систем позволяет понять, как они отражают состояние общества, а топонимия – и географическую среду. Это отражение, конечно, неполно, но оно не является кривым зеркалом, как можно вывести из «закона относительной негативности топонимов» В. А. Никонова, в соответствии с которым названия даются по редкому признаку и являются собранием раритетов⁹.

В действительности в пределах минимальной микросистемы, например топонимии сельского населенного пункта, действует правило обязательного различения названий, что обуславливает их неповторяемость. Частотность и раритетность топонимов в этом отношении не играют роли: исключается дублирование тех и других. Но в пределах каждой отдельно взятой микросистемы типичные топонимы (река *Черная*, поле *Большое*, гора *Высокая*) встречаются чаще, чем раритетные, поэтому сложение микросистем неизбежно дает эффект преобладания высокочастотных названий, которые господствуют в топонимии и объективно, хотя и неполно, отражают окружающий мир. Это закономерно, поскольку назначение имен не только выделять предметы, но и способствовать выявлению структурной организации действительности, что подтверждается прежде всего возникновением условных топонимических систем для ограниченных коллективов (военных, охотников, туристов). В принципе даже один человек может создать такую систему, если она помогает ему осваивать мир.

Другое удивительное свойство ономастических систем – хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом, которая затем может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики, истории

и географии. Это свойство ономастики связано с ее консервативностью, устойчивостью, обособленностью в языке, а также с легкостью усвоения другим языком. Такие названия, как *Вологда* или *Пермь* и тысячи им подобных, давно стали достоянием русского языка, но они продолжают хранить в себе информацию о древних языках и народах.

Территория России огромна. Ее населяли в прошлом и населяют сейчас многие народы. Следует всегда помнить о том, что история русского этноса изобилует не только внутренними потрясениями, о которых так любит писать наша пресса, но и великими пассионарными движениями – преодолением и освоением огромных пространств. Эти пространства не были пустыми: в формирование русского этноса внесли свой вклад многие народы, история которых уже завершилась. Их наследие в русском языке – топонимия и антропонимия. Китайская мудрость гласит: «Лучше увидеть лицо, чем услышать имя». Но если лица не видно, если его уже нет, а в руке ученого только плохо сохранившийся череп, изучение имен позволяет заглянуть в глубокое прошлое и возродить звуки исчезнувшей речи. Поэтому значение собственных имен для контактологии – науки о лингвоэтнических контактах и прежде всего древних субстратах – исключительно велико.

Но надо помнить и о другом. На территории России непрерывно происходят и ранее происходили языковые и этнические скрещения. Именно этому смешению и обновлению обязан русский народ многими своими достойными качествами, поскольку смешение «своего» и «чужого» дает генетический эффект. Однозначное противопоставление «свой» – «чужой» актуально в армии, например при опознании самолетов, или на практических занятиях по иностранному языку. Для исторической лингвистики, изучающей топонимию и антропонимию, намного актуальнее другое: выявление «чужого» в «своем» и «своего» в «чужом», а также объяснение того, как произошло это взаимопроникновение. Именно такой подход сближает науки и объединяет народы.

Имя – ключ ко многим проблемам истории человечества и его языков, т. к. ни в одной другой сфере языка не выражено с такой силой слияние «своего» и «чужого», возможность которого обусловлена самими свойствами имени, способного даже при поверхностном контакте преодолевать языковые границы, временные рамки и территориальные рубежи. Долг ономастов всемерно использовать удивительные возможности и пути, которые указывает имя.

¹ См.: Хайдаков С. М. Глагол в лакских топонимах // Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964. С. 204.

² См.: Хайдаков С. М. Некоторые вопросы, связанные с изучением топонимии Дагестана // Топонимия Востока. М., 1962. С. 113.

³ См.: Бельская В. Д. Заметки о географических названиях Австралии (аборигенная топонимия) // Ономастика Востока. М., 1980. С. 179.

⁴ См.: Мифы, предания и сказки фиджийцев. М., 1989. С. 387.

⁵ См.: *Те Ранги Хироа* (Бак П.). Мореплаватели Солнечного Восхода. М., 1959. С. 71.

⁶ Топоров В. Н. Из области теоретической топономастики // Вopr. языкознания. 1962. № 6. С. 5.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ См., например: Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

⁹ См.: Никонов В. А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 77–79.

Н. Д. Голев – А. К. Матвееву

Октябрь 2001 г.

Дорогой Александр Константинович!

Я не могу позволить себе самовольно причислиться к Вашим ученикам, так как не слышал Ваших лекций и регулярно не общался с Вами, хотя и читал много Ваших работ, которые по своим идеям выходят далеко за рамки уральской топонимики. Они несомненно оказали влияние на мои лингвистические штудии. И уж, конечно, не только мои. Но все-таки научную значимость большинства Ваших работ смогут лучше оценить непосредственные ученики и коллеги. Я же хотел бы сказать о влиянии Вас как личности на молодых людей, избравших для движения по жизни научную стезю. «Филологический мужчина» – это особое место в филологии. Не каждому по плечу. Вы эту «ношу» несли и несете с блеском и достоинством, прежде всего потому, что она для Вас была естественна, как дыхание. На рефлектирующих филологических юношей производили сильнейшее впечатление мужская решимость и определенность, умение принимать решение и брать на себя ответственность. Наука в ее классическом, кабинетном варианте в сочетании с увлечением музыкой, поэзией и одновременно охотой, путешествиями – это ли не романтический идеал настоящей мужской жизни, воспетый Киплингом и Гумилевым. Для меня этот идеал был и остается недостижимым – здесь Вы, Александр Константинович, небожитель. Помните у Гумилева...

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на своем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал...

Здорово! По-мужски.

И все-таки самое главное – это то, что Вы были и есть человек Идеи, нет, не идеи – это вяло, – Человек Духа. Того Духа, внутреннее знание которого позволяет человеку противостоять быту, суете, бессмысленному существованию. Это ощущают все, кто соприкасается с Вами, а молодые люди особенно; ведь хочется зацепиться не просто за частицу Абсолютного гегелевского духа, воплощенного в книжной мудрости, а за настоящие, живые его проявления. И спасибо Вам, А. К., что Вы не отступали здесь, не разменивали Идеал и несли свой Свет.

От лица всех бывших филологических юношей (некоторые из них уже давно не юноши) низкий Вам поклон.

Н. Д. Голев

P.S. Прилагаемая к сему статья – из того романтического времени – ненапечатанный кусок моей КД, который, кстати, Вы отметили и который, как мне кажется, вовсе не устарел, тем более я его как смог успеть подновил. Просто ничего не успеваю. Пишу перед отъездом в Москву. Если получилось сыровато, ничтоже сумняшеся возвращайте, доработаю.